

ВИТ ЦЕНЁВ. МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

ЧАСТЬ 1

Я знаю, что испытывает приговоренный к смерти. Я это пережил. Мне приснилось, что с минуты на минуту меня расстреляют. Да, это был только сон. Но я уверен, что человек, приговоренный к смерти, испытывает нечто подобное. Нет, я не любовался «в последний раз» облаками и не томился в тоскливом восхищении от их красоты, которую я вот-вот потеряю навсегда. Нет, я не слышал сладкого пения птиц, и мое сердце не разрывало на части от сожаления, что эту прекрасную музыку я слышу в последний раз. Ничего этого не было.

В детстве я смотрел фильмы про войну, в некоторых из них встречались сцены ожидания казни. И обязательно эта прекрасная природа, и красота облаков, и пение птиц, и сладкий воздух, который ты вдыхаешь в последний раз. Но теперь я знаю доподлинно, что происходит в эти последние минуты на самом деле. На самом деле в эти последние минуты восприятие мира принципиально меняется. И все происходящее вокруг – шаги людей, порывы ветра, скрип двери, движения и выражение лица палача, шелест бумаги, бой часов, – абсолютно все вокруг как будто обещает тебе, что с тобой этого – не произойдет.

Сейчас что-то непременно изменится. Сейчас кто-то зайдет в дверь и скажет, что казнь отменяется. Сейчас палач скажет, что это была только угроза. Сейчас произойдет что-то очень важное, и ты останешься жив. И это «доказывает» абсолютно все происходящее вокруг. Если ты слышишь, как тикает стрелка часов, то это значит, что сейчас что-то изменится, что-то пойдет иначе, и тебя не расстреляют. Каждое событие вокруг воспринимается как знак. Верный знак того, что сейчас что-то изменится, и я останусь жив! Меня не расстреляют! Этого не произойдет, потому что – вот сейчас, с минуты на минуту – случится нечто важное, и казнь будет отменена.

Может быть, верующий человек переживает иначе. Может быть, в эти минуты молится своему Богу и уповает на спасение свыше. «Да минует меня чаша сия». Но я не верю в Бога, даже во сне. Даже перед лицом неминуемой смерти. Когда я прочитал о том, что Чикатило писал прошение о помиловании на имя Ельцина, я был крайне удивлен: неужели он надеялся, что его действительно помилуют?

Теперь я знаю. Он не надеялся на помилование. Нет. Чикатило был абсолютно уверен в том, что ему сохранят жизнь. Во сне мой палач менял позы, переминался с ноги на ногу, и каждый раз при этом я видел в этом достоверный знак, который обещает мне спасение. Я жадно ждал, что именно сейчас произойдет нечто важное, и казнь будет отменена. Просто потому, что это обязательно должно случиться. Да. Чикатило был абсолютно уверен.

Чего вы ждете теперь? Что я буду говорить о жизни? О том, как она важна, и что птички поют, и солнышко светит? Нет. Я буду говорить о смерти. Потому что понять, пережить и страстно желать, насколько отчаянно хочется жить, можно только перед лицом смерти. И пока все хорошо или более-менее, вы не сможете найти ответа на вопрос, зачем нужно жить. Где оно, это страстное желание именно жить? Действовать, стремиться, бороться и двигаться дальше? Когда вам трудно, вы спрашиваете иногда – а зачем? – и не находите ответа на этот вопрос.

Потому что вот она, ваша жизнь, она здесь и сейчас, и заглядывая вперед, вы видите, что и там у вас какая-то жизнь, такая же, как и сейчас, или другая, но, по большому счету, все то же самое, суета сует и томление духа. И вы не знаете, зачем и какой в этом смысл. Я живу, Вася живет, все как-то живут. Но когда вы оказываетесь лицом к лицу со смертью, – как в фильме «Размах крыльев», где самолет терпит бедствие (или как в фильме «Угон рейса 93», в котором самолет захватили террористы), – вы вдруг отчаянно понимаете, что ваша жизнь – должна продолжаться.

И что у вас есть дети, о которых вам нужно позаботиться. И дела, которые вы не успели сделать. И чувства, которые вы не смогли как следует выразить. И тысячи других причин, по которым вы обязательно должны жить. И пусть с вами никогда этого не произойдет. Ни самолетов, которые терпят бедствие, ни самолетов, захваченных террористами. Пусть будет «долго и счастливо». Но говорить мы будем о смерти. Потому что страх перед смертью является наиболее сильной мотивацией жить.

Смерть вдохновляет жить

Смерть отталкивает. Вид смерти. Запах смерти. Мысли о смерти. Отталкивает. Часто говорят, что люди в экстремальных ситуациях способны на физические усилия, которые невозможны в обычных ситуациях. Маловероятно, что вы сможете перепрыгнуть через двухметровый забор от любви к рыбкам и красивым облакам. А вот если вы убегаете от агрессивной собаки или преступника, то нет ничего невозможного.

Вы можете возразить, что в подобных случаях человеком движет страх. Это верно. Но задумайтесь на мгновение, что такое страх. Страх – это реакция на опасность. Любая опасность – связана с угрозой для жизнедеятельности. Реальная это угроза (озлобленная собака) или мнимая (страх микробов), не суть важно. Если есть страх, есть угроза жизнедеятельности. Во всех случаях, включая страх перед вторжением марсиан.

Смерть отталкивает. Когда вы читаете у Фрейда, что есть «инстинкт смерти», влечение к смерти, вы должны знать, что у большинства психоаналитиков того времени концепция Фрейда о влечении к смерти вызвала отторжение. Было сделано предположение, что эти идеи «питались» патологическим страхом Фрейда, который вел изнурительную борьбу с раком. Многие психоаналитики сошлись во мнении, что эта концепция «влечения к смерти» не имеет ничего общего ни с психоанализом, ни с пониманием психологической природы человека вообще.

Рудольф Брун, автор основательного обзора идей Зигмунда Фрейда, предположил, что на концепцию Танатоса ("влечения к смерти") в значительной степени повлияла болезненная реакция Фрейда на массовые убийства во время первой мировой войны. Смерть отталкивает. Есть только один инстинкт, одно влечение – жить. И чем ближе «лицо» смертельной опасности, тем сильнее хочется жить. Вы должны понимать это, в первую очередь, как физическую константу жизненной силы. Как пружину эволюции, у которой «сила противодействия» прямо пропорциональна «силе действия».

Чем больше давление на «пружину смерти», тем сильнее ее сопротивление, тем больше вас будет отталкивать «в жизнь». Справедливо и обратное: чем меньше давление на «пружину смерти», тем меньше ваша жизненная сила. В одном из исследований было показано, что хирургические операции без наркоза, которые делали солдатам во время первой мировой войны, оказались много более эффективны, чем аналогичные операции под наркозом.

Психолог Ганс Айзенк, автор знаменитого теста коэффициента интеллекта (IQ), «прописывал» всем пациентам «лекарство», который вызывает приступы удушья. Независимо от поставленного диагноза. Больной должен был принимать данный препарат до тех пор, пока его болезнь не пройдет. Или рекомендовал электрошок. Естественно, что при таком «лечении» больной выздоравливал с невиданной для медицины скоростью. Смерть отталкивает. Закон жизни. Никакого «влечения к смерти» не существует. Есть единственное желание, единственное настоящее влечение – влечение жить. Чем ближе смерть, тем сильнее желание жить. И наоборот.

Смертельное телевидение

По данным журнала «Хёрцу», в фильмах, показанных по немецкому телевидению, в сумме за год было показано 25.000 убийств. Из них 439 раз были показаны сцены изнасилования, издевательства и убийства детей. «Теленасилие в последнее время буквально захлестывает зрителя», – сетует специалист по серийным убийцам Александр Олимпиаевич Бухановский. Как будто все телевидения всех стран сговорились, чтобы как следует «захлестнуть» зрителя именно насилием. Почему бы – можно задаться риторическим вопросом – не «захлестнуть» зрителя другими фильмами, которые учат «возлюбить ближнего как самого себя»? 25.000 раз бы показали в год, как все друг друга любят, и было бы счастье.

Нет. Массовая резня в Техасе бензопилой. Кошмар на улице Вязов. Смертельное оружие. Кровавый четверг. Избиения, пытки, убийства, изнасилования, катастрофы. Смерть – это товар, который пользуется огромным спросом. Телевидение никого не «захлестывает» и ничего не пытается навязать. Оно показывает только то, что дает рейтинг. Если птички и красота снежинок дадут больший рейтинг, чем мозги на асфальте, то телепередачи будут состоять

исключительно из снежинок и «возлюби ближнего своего». Но мозги и убийства дают запредельно большой рейтинг. Это очевидно.

Исходя из этого, я бы сказал принципиально иначе: общество захлестнула потребность в переживании сцен, связанных с насилием и смертью. Это может не уложиться в голове, а поэтому я повторю еще раз: **«общество захлестнула потребность в переживании событий, которые связаны с болью, страданиями, насилием и смертью».**

В каком-то фильме был эпизод, где девушка пережила катастрофу и чудом осталась жива. И вот она заходит в комнату, а ее отец сидит и смотрит новости, где рассказывают про эту катастрофу. И она истерически кричит – выключи это немедленно! – потому что человек, который пережил нечто ужасное, физически страдает от любых сцен смерти и насилия. И никому из тех, кто пережил Норд Ост или Беслан, не придет в голову смотреть фильмы из серии «Техасская резня бензопилой» или «Кошмар на улице Вязов». Люди, которые пережили войну, не любят о ней вспоминать, не любят фильмы про войну. Мой дед прошел через Освенцим и Бухенвальд. Почти ничего не рассказывал, потому что сразу начинал плакать.

Я знал человека, который служил в Афганистане. Он избегал спиртного, и я думал, что он не пьет, потому что по профессии положено (он работал телохранителем). Но однажды он выпил, и я видел, как он плакал, выл, ревел, бессвязно что-то бормотал, и никто не мог его успокоить. Потом, когда он немного успокоился, он рассказал один эпизод, как похищали наших солдат, накачивали их наркотиками, а потом – с живых! – снимали кожу и бросали умирать. Больше он никогда не пил и никогда ничего не рассказывал.

Смерть отталкивает физически. Это исключительно сильная мотивирующая сила жить. Жажда жизни. Инстинкт выживания. Жизненная сила. Но если общество отчуждается от смерти, если соприкосновение со смертью становится смутной абстракцией, – у общества исчезает мотивация жить. Жизнь перестает быть ценностью, потребностью, смыслом. И тогда вы задаете вопрос: зачем? И тогда вы задаете вопрос: какой в этом смысл? И идете лечиться к психологу, который уверяет вас в том, что «жизнь прекрасна и удивительна», и как важно при этом коллекционировать марки или этикетки от пивных бутылок.

И тогда появляется все более и более возрастающий интерес к смерти. Именно потому, что она отталкивает вас в жизнь. И чем сильнее вы нажимаете на пружину смерти, тем сильнее ваша мотивация. И эти 25 часов непрерывного насилия по телевизору – еженедельно (по данным журнала «Хёрцу») – являются необходимым минимумом для того, чтобы человек работал, платил налоги, воспитывал детей и соблюдал правила дорожного движения. Но не потому, что люди настолько злы, агрессивны и жестоки. Нет.

Им нужна смерть – как некая жизненная сила, как кофеин, антидепрессанты, адреналин, алкоголь, никотин, наркотики, порнография и «Виагра». И это один логический ряд. И не рассказывайте мне сказки на тему зависимого поведения. Современному человеку, чтобы элементарно потрахаться, нужно, чтобы по телевизору кому-то непременно вышибли мозги или пошинковали на салат бензопилой. И без этого у него просто «не стоит». На жизнь, в первую очередь. Все остальное, что «не стоит», является лишь следствием глубочайшего «жизненного» кризиса общества.

Однажды я читал фантастический рассказ о бессмертных людях. Главный герой, а он был обычный смертный, страстно хотел найти этих бессмертных людей. Но их не было среди смертных, и никто не знал, где они, эти бессмертные люди. И вот однажды главный герой их находит. В каком-то подвале, где они веками спали, покрытые пылью и паутиной. Они не жили, потому что в их жизни не было никакого смысла. Через сто, через тысячу, через миллион лет они будут жить, и это слово – жить! – было лишено для них всякого смысла. Жить лишено всякого смысла. Вот что обещает случиться с обществом, которое отрицает смерть и насаждает исключительно витальные ценности.

Купите вашим добрым психологам птичек и рыбок. И пусть они радуются жизни. А мы с вами будем говорить о смерти. Продолжение следует. Мы будем говорить о самоубийцах и серийных убийцах (таких, как Чикатило). Мы будем говорить о наркотиках, адреналине, сексе и депрессии. Продолжение следует.

P.S. 14 сентября 1972 года серийный убийца Эдмунд Кемпер задушил очередную жертву, пятнадцатилетнюю японку Эйко Ку. Задушив жертву, он изнасиловал труп и получил, как он

позже признался, «необыкновенное удовольствие». Ночью он положил труп Эйко Ку в свою кровать и уснул рядом с ним (много позже, на допросе, Кемпер скажет, что это были «самые счастливые минуты в его жизни»). Утром 15 сентября Кемпер расчленил жертву, положил в багажник машины отрезанную голову и руки (чтобы потом выбросить их в океан) и поехал на беседу к психиатру. Его психиатр был чрезвычайно доволен «позитивной динамикой» пациента и заявил ему, что «не находит более оснований для продолжения лечения».

<http://psyberia.ru/mindterritory/mortal01>

ЧАСТЬ 2

Итак, в первой части публикации "Между жизнью и смертью" мы пришли к заключению, что никакого "влечения к смерти" не существует. Смерть отталкивает. Отталкивает. Единственное "влечение" – влечение жить. И чем сильнее угроза неминуемой смерти, тем сильнее хочется жить. К сожалению, верно и обратное. Чем меньше смертельная угроза, тем меньше желание жить.

Ни одно живое существо на планете не задумывается о том, зачем оно живет и какой в этом смысл. Только человек. Только человек способен поставить под сомнение целесообразность своего существования, и полагать, что его жизнь обязательно должна иметь какой-то смысл и преследовать какую-то цель.

Жить без смысла, жить без цели, жить ради самой жизни, человек не способен. Мы привыкли видеть в этом великую силу разума и восхищаться осмысленностью человеческого бытия. Но мы словно не замечаем, как наша жизнь – жизнь от слова "жить", а не от слов "делать" или "работать", – постепенно превращается в каторгу, в бесконечное понуждение что-то делать и к чему-то стремиться. И "смысл жить" Вам нужен совсем не для того, чтобы проявить свой гений "царя природы" или "венца эволюции", а только лишь для того, чтобы снова и снова заставить себя что-то сделать. Заставить себя – жить.

Ум

В состязании с животными человек неизбежно проигрывает. Он не такой быстрый, как лань или гепард. Он не такой сильный, как медведь. Он не такой ловкий, как обезьяна. У него не такой чуткий нюх, как у собаки, а зрение – не настолько острое, как у орла. Но у человека есть ум, который легко даст фору всем вышеперечисленным качествам.

И дело совсем не в том, что человек с помощью ума может изобрести автомат и выстрелить. Тысячи лет не было никаких автоматов, а люди все равно побеждали любых животных. Это не настолько очевидно, как Вам кажется. Позвольте мне объяснить, в чем заключается принципиальная разница между умом человека и способностями у животных.

Да, глаз человека не такой острый, как у орла. Но ум может смотреть намного дальше, чем глаз. Способности органов чувств у животных, сколь бы совершенными они не были, имеют свои пределы. Возможности "мысленного зрения" ничем не ограничены.

Животному, чтобы "заподозрить" опасность, приходится полагаться на свои органы чувств. Увидеть хищника. Услышать шорох. Почувствовать запах. Но человек, чтобы "увидеть" или "почувствовать" угрозу, не нуждается в непосредственном контакте с сенсорным сигналом. Таким образом, ум – это наиболее совершенный орган чувств, многократно превосходящий по своей эффективности любые сенсорные способности животных.

В соревновании с животными человек обречён. Чтобы спастись, ему необходимо "увидеть" опасность намного раньше, чем он столкнётся с ней "нос к носу". Разум позволил человеку предполагать опасность "заранее", компенсируя свои слабости изобретательностью ума. И даже сегодня, когда у человека больше нет "внешних" врагов и ему равным счетом ничего не угрожает, он снова и снова мыслит "на опережение", более предполагая угрозу в своем воображении, чем сталкиваясь с ней на самом деле.

Если бы орел был способен к рефлексии, то, наверное, он назвал бы себя "острым

глазом". Лев назвал бы себя "стальным клыком", а медведь провозгласил бы себя "тяжелой лапой". Примитивные племена примерно так и делают: они наделяют себя "говорящими" именами, которые наилучшим образом характеризуют того или иного человека. Но что вы подумаете, если орел достигнет полного отождествления со своим глазом? То есть, начнет считать, что он, орёл, является зрением, которым его наделил Бог "Оорлус Оорлос"? Или волк, который вообразит себя носом? Вы можете представить себе нечто подобное?

Мы всегда считали разум чем-то уникальным, что делает человека человеком и приближает его к Богу. Но задумайтесь на мгновение: что, если наш ум является не органом мышления, а органом чувств? Таким, как глаз, только более совершенным? Таким, как слух, только более острым? Таким, как нос, только более чутким?

Разум – это, в первую очередь, орган чувств. Такой, как зрение. Такой, как слух. Мы часто говорим о том, что у человека есть шестое чувство, но при этом "отчуждаем" его от разума, пытаясь достигнуть принципиально нового способа чувственного познания. Чувственного, я подчеркиваю это! Например, мы хотим видеть ауры, читать мысли, читать с завязанными глазами. Мы жаждем летать, ходить по воде или перемещаться в пространстве с помощью мысленного усилия. Но это не шестое, это седьмое чувство. Шестым чувством является человеческий разум.

Вы способны вообразить реальность без необходимости прямого с ней взаимодействия. Вот что означает фраза о том, что "мысль материальна". Обычно мы понимаем под этим способность порождать материю особым усилием мысли, но это неверно. Мы способны "увидеть" реальность во внутреннем плане (сознания), которая не является простым отражением объективной действительности. Для человеческого мозга нет никакой разницы между действительной мышью и воображаемой мышью, он одинаково реагирует на любой из этих вариантов.

Тело

Если предполагать, что ум – это орган чувств, созданный природой для выживания тела, то нам следует признать: человек достиг абсолютного отождествления со своим умом, называя себя "разумным" и заключая из этого, что человек существует, чтобы именно думать. Если хотите, Вы можете называть это "душой". Если хотите, можете называть это "разумом" или "ЭГО". Ничего не меняется. Существование человека ради тела признается порочным и бездуховным. "Человек ест, чтобы жить", он не "живет, чтобы есть". Что при этом является "жизнью", обычно не уточняется.

Возможно, Вы должны читать очень умные книги, играть в шашки, собирать марки и решать кроссворды. Вы должны жить интеллектуальной жизнью, отвергать "низменные" ценности и ставить перед собой возвышенные цели. Какая "роль" при этом отводится нашему телу, Вам хорошо известно. Это обуза, которая требует постоянной заботы. Его нужно кормить. За ним нужно ухаживать. Его нужно ограничивать в "телесных" желаниях. Его нужно лечить, когда оно болеет. Бегать им на тренажерах, потому что оно "засиделось" или "растолстело".

Зачем человеку тело?! Совершенно незачем. Человек – это "хомо сапиенс". И этому "хомо" для его "сапиенсов" участия тела совершенно не требуется. Достаточно одной головы. И действительно. Жизнь (если это можно назвать жизнью) современного человека протекает преимущественно в уме, что обычно называют "умственной деятельностью". Явным плюсом такой "жизнедеятельности" является чрезвычайно малая зависимость достижений человека от его физических способностей.

Животное, чтобы выжить, должно быть сильным, ловким и выносливым. Если лев захромает, он обречен на голодную смерть. Но человек может "добыть" себе пищу, как говорится, "не вставая с дивана". Появляется всё больше и больше профессий, которые не требуют от Вас никаких физических усилий, а наличие тела становится формальным. Для бухгалтерии, для философии, для математики, аналитики (и множества других профессий) вполне достаточно одной головы.

В одном известном анекдоте у Майка Тайсон (выдающегося боксера-тяжеловеса), спросили: зачем ему голова. Тайсон долго думал, и, наконец, ответил, что "он в неё ест" и "ею спит". Но если спросить у бухгалтера, писателя или математика – "зачем ему тело?" – вы

услышите не менее смешные ответы. Потому что человек перестал пользоваться своим телом.

"Жизнь" человека проходит в уме, "во внутреннем плане". И если "человек умелый" думал для того, чтобы "уметь", то есть делать и действовать, то "человек разумный" радикальным образом усовершенствовал свои умения настолько, что научился делать и действовать. Вам больше не требуется ни уметь, ни действовать. Воображаемые препятствия преодолеваются столь же воображаемыми действиями. "Мысль материальна", убеждают нас. "Думай, что ты самый лучший, и ты обязательно станешь самым лучшим". "Думай о деньгах, и непременно разбогатеешь". "Думай о смысле жизни, и ты обязательно его найдешь".

Да, совершенно верно, сильный ум способен победить любую физическую силу. И это было убедительно доказано эволюцией человека. Но позвольте спросить: что являлось основной эволюционной целью ума? Выживание. Выживание кого (или чего)? Очевидно, человека. У орла есть острое зрение, у волка – чуткий нюх, у медведя – огромная сила, у козули – рога и копыта, у змеи – яд, а что есть у человека? Как ему защититься от более сильных врагов? Как спасти свою жизнь от хищников? Как победить силу, которая в сотни раз сильнее тебя?

Основной эволюционной целью ума является выживание тела. Тела, я повторяю. Разум был дан человеку, чтобы спасти свое тело. Спасти, а не отказаться от него. Человек – есть тело, а не ум. Плоть, а не душа. Человек живет ради тела, и только оно, тело, есть единственный подлинный смысл жизни, который Вам не нужно искать или придумывать.

Боль

Ни одно животное не способно намеренно причинить себе боль. Только человек. Сексологи (и психологи) называют это "мазохизмом", как будто это слово может что-то объяснить. Вы знаете, что животное (например, собака), если Вы причиняете ему боль (с лечебной целью), непременно вас укусит. Потому что боль для живого существа – смерти подобна.

Животное не боится смерти, оно боится только боли (и опасности). Как маленький ребёнок. Чтобы осознавать смерть, нужно обладать высоким уровнем абстрактного мышления. Иначе говоря, научиться думать о самом себе, научиться смотреть на себя "со стороны". И только тогда ребенок осознает, что его существование конечно. Но пока ребёнок взаимодействует с окружающим миром только "от первого лица", не умея смотреть на себя со стороны, понимание, что однажды он умрёт, ему недоступно.

Взрослый человек хорошо понимает, что такое смерть, но теряет представление о том, что такое жизнь. Сначала он встает на "ступеньку" вверх, с высоты которой он умеет смотреть на себя со стороны. Затем он поднимается ещё выше, приобретая способность смотреть на себя глазами других людей. Что они обо мне думают? Что они про меня говорят? И как они отнесутся к моему поступку?

И тогда Вы стараетесь сделать нечто, что принесет удовольствие другим, чьими глазами Вы на себя смотрите. Похудеть. Заняться спортом. Купить модную вещь. Вы делаете это, но не чувствуете никакого удовлетворения. Иногда Вам вообще кажется, что Вы не живете, и что всё происходящее с Вами – это сон. Что делает человек, когда ему кажется, что он спит? Я полагаю, Вам это известно. У него появляется странное желание себя ущипнуть. Причинить себе боль. Не очень сильную, но достаточную для того, чтобы понять, что он не спит, и что все происходящее с ним – реально.

Боль мгновенно переводит виртуальные переживания человека в позицию "намбе ван": Вы начинаете смотреть на мир "от первого лица". Даже от смерти человек может отстраниться, оставаясь в позиции наблюдателя. Потому что смерть – это концепция, это умственная идея, которая требует абстрактного мышления. Боль не требует мышления вообще, потому что это исключительно чувственное переживание, которое не имеет абсолютно никакого отношения к умственной деятельности. Это значит, что, причиняя себе боль, Вы, возможно, впервые за многие годы "жизни", встречаетесь с самим собой, со своими желаниями, своими истинными "хочу", и получаете несомненное доказательство тому, что Вы живы, а всё происходящее с Вами – реально.

Вот что такое "мазохизм". Человек хочет почувствовать, что он жив. Именно почувствовать, а не подумать. Поэтому человек причиняет себе физическую боль: "режет вены", разбивает рукой стекло, прокалывает себе язык (и другие части тела), наносит татуировки и прыгает с парашютом. Он учится ходить по раскаленным углям, лежать на битом стекле, ввязывается в драки, ищет "острых" ощущений и экстремальных испытаний. Только так. Через боль, страх и переживание смертельной опасности. Штурмует горы, стоя на ринге, прыгая с парашютом и лежа на битом стекле. Через испытания, которым подвергается его тело. Только так человек может почувствовать, что он жив, и это не требует совершенно никакого смысла. Потому что человек – это тело, а не ум. Плоть, а не душа. Вы живёте, если живёт Ваше тело. Если Ваше тело мертво, если в нём нет жизни, если плоть "умерщвлена" (как это требуют религии), Вы не живёте. Вы мертвы. Вы покойники, лежащие на кладбище под названием "город".

<http://psyberia.ru/mindterritory/mortal012>